

В ТЕНИ ВЕЛИКАНОВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Н.Н. СТРАХОВА

Е.А. Антонов

доктор философских наук

Семья белгородского протоиерея Николая Страхова 16 октября 1828 года пополнилась сыном, также нареченным Николаем. Семи лет от роду мальчик лишается отца и отдается на воспитание в семью дяди, ректора духовной семинарии сначала в Каменец-Подольске, а затем в Костроме. Дорога его как будто ясна — это духовная стезя. Однако после окончания философского отделения Костромской духовной семинарии юноша пошел путем разночинцев: записался вольнослушателем камерального (хозяйственно-экономического) отделения при Петербургском университете, а позднее, после сдачи требуемых экзаменов, перешел на математическое отделение.

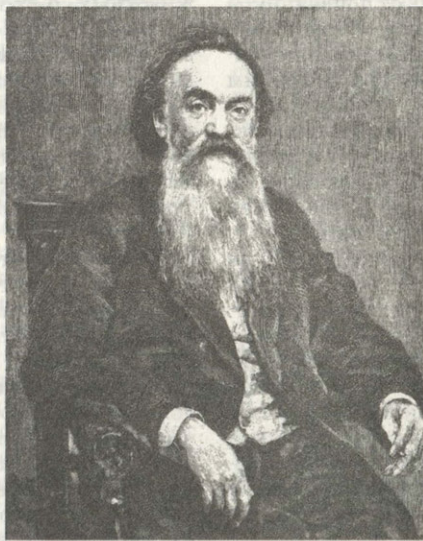
По недостатку средств Николай Страхов через год вынужден был перейти в Главный педагогический институт, учащиеся которого обучались за казенный счет. После окончания в 1851 году этого учебного заведения, Страхов около десяти лет работал учителем математики, физики и естественной истории в Одесской и Петербургской гимназиях. Заставляла работать на педагогической ниве нужда. Увлечение естественными науками привело Страхова к защите в 1857 году ученой степени магистра по зоологии. Выйдя в 1861 году в отставку, он целиком посвятил себя литературной деятельности.

Н.Н. Страхов дружил со многими выдающимися людьми своего времени. Ф.М. Достоевский, Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Л.Н. Толстой, Вл.С. Соловьев, В.В. Розанов — вот далеко не полный перечень этих славных

**За ним «никто не шел»,
да и трудно было за ним идти,
ибо он сам никуда не шел...
Он стоял около «вечных истин»,
немногих в религии, немногих
в философии, немногих
в искусстве, даже
в публицистике... и не отходил
отсюда, и умолял других
не отходить... Тайна Страхова
вся — в мудрой жизни
и в мудрости созерцания.**

В. В. Розанов.

Литературные изгнанники

Н.Н. Страхов

имен. Николай Николаевич был учителем жизни в высшем значении этого слова. По словам Василия Васильевича Розанова, Страхов был для него «крестным отцом в литературе». В другом высказывании Розанов говорит, что Страхов «оттачивал, шлифовал чужую мысль», находясь постоянно «в тени великих». Именно широта теоретического кругозора, охватывающего многие области человеческого знания, глубина проникновения в суть новых явлений, безукоризненная нравственность и простота в общении объясняют то расположение современников, которым неизменно пользовался Страхов.

Вместе с тем Николай Николаевич сам был весьма заметной и самостоятельной фигурой — истинно русский человек, патриот, мыслитель, критик, оригинальный переводчик и издатель произведений своих друзей, сыгравший значительную роль в русском просвещении.

В 60-е годы он сотрудничает в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», а в начале 70-х возглавляет журнал «Заря». Позднее работает в журналах «Русский вестник», «Русь», «Вопросы философии и психологии», редактором «Журнала Министерства народного просвещения». Одновременно Страхов служит библиотекарем в Императорской публичной библиотеке (1873–1885) и состоит членом ученого комитета Министерства народного просвещения (1874–1896), что дает ему не только дополнительный заработок, но и возможность уделять больше времени творческим занятиям.

Широкое общественное признание приходит к Н.Н.Страхову в 90-е годы. Он издает книгу за книгой. Становится членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, почетным членом Славянского и Психологического обществ. Награждается «по линии науки» двумя золотыми Пушкинскими медалями, а правительство удостоило его ордена Станислава 4-й степени.

Жизнь Николая Николаевича не выделялась внешними событиями, но постоянными кабинетными трудами. Это многое обуславливает и объясняет в Страхове как мыслителя и литературном критике. Образ его жизни был полностью подчинен главной цели, которую он сам называл «настоящим образованием». Одному из своих корреспондентов Страхов писал, что «настоящая зрелость мысли не достигается в 3–4 года, а только в десятки лет». И сам вел «регулярный образ жизни», бесемейный, ничем не отвлекаемый и ни на что не рассеиваемый. Практически все свое довольно скромное денежное содержание он тратил на книги, что привело к созданию домашней библиотеки.

В историю отечественной культуры Н.Н.Страхов вошел, прежде всего, как литературный критик и философ. Если в литературоведении он был «мостом» от почвенников к символистам, то в философии — «промежуточным звеном» между поздними славянофилами и русским религиозно-философским «ренессансом» конца XIX — начала XX веков. Этим промежуточным положением между двумя эпохами русской культуры и объясняется отмеченная некоторыми исследователями «двойственность» его творчества, некая недоговоренность и незавершенность.

Творческое наследие Н.Н.Страхова по объему весьма значительно. Однако, обладая колоссальной эрудицией, он не создал целостной системы в классическом ее понимании — ни в естествознании, ни в литературоведении, ни в философии. Это связано более всего с особенностями самого страховского творчества. Он брал «широко», легко переходя из одной сферы исследований в другую, нередко порождая оригинальные и парадоксальные суждения, и многие его выводы становятся признанными уже в XX веке.

Естественные науки влекли Страхова на протяжении всей зрелой жизни, они во многом предопределили его облик как мыслителя. Наиболее крупными работами его в этой области были «Мир как целое» и «Об основных понятиях психологии и физиологии», где рассматриваемые естественнонаучные факты и теоретические положения ведут нередко к философским обобщениям. В длительных занятиях естествознанием у Страхова можно выделить два основных направления: первое связано с осмыслением значения этой области наук для общего образования, второе же определяется методологическим

осмыслением и оценкой развития естествознания с точки зрения философии. С другой стороны, польза от философии для естественных наук также велика — она состоит прежде всего в разъяснении и установлении ключевых понятий. С этих позиций Страхов рассматривал, один из весьма немногих, важные позиции психологии, физиологии, физики — в частности атомистическую теорию.

Но этого мало — он анализировал основные сложившиеся представления о жизни, совокупность новых натурфилософских идей, вошедших позднее в качестве составных частей в философию русского космизма. Позиция мыслителя-критика позволила ему, в частности, оценить спиритизм как учение, противоречащее всему строю добытых человеческим опытом и наукой «понятий разума» о природе, остановившись на пороге богословского толкования многочисленных проявлений оккультизма.

По-современному звучат слова Н.Н.Страхова об отношении человека к природе. Он стремился доказать, что существует естественный предел вмешательству человека в заданные процессы жизни; например, утверждал, что мечты Клода Бернара о заселении Земли новыми полезными видами растений и животных, о произвольном продлении человеческой жизни силами науки несбыточны, так как основаны на утопических положениях о всеилии разума. По мнению Страхова, эволюцию органического мира нужно осознавать не как его преобразование — стихийное или основанное на вмешательстве человека, а как естественное периодическое повторение сущего, как своеобразное круговращение живого вещества.

Страхов считал, что Дарвин упрощает, атомизирует органо-генетический процесс, превращает его из естественно-исторического в механистический, устраняющий из мироздания высшее целепоставляющее начало. Человеческий мир не является простым продолжением животного мира, а есть новое качество, необъяснимое с точки зрения естествознания. Тем самым подчеркивалась несводимость человеческого, духовного к природному — что было весьма актуально во времена нарастания вульгарно-материалистических тенденций в русском общественном мышлении. Писаревское «Сапоги выше Пушкина» уже было произнесено.

Широкую известность Н.Н.Страхов получил как литературный критик. Его позиции сразу определились как антинигилистические. Страхов привлек широкое внимание к полемической книге Н.Я.Данилевского «Дарвинизм», показав сниженность и узость суждений по поводу эволюции Вл.С.Соловьева и К.А.Тимирязева.

Выход Страхова в широкую литературу совпал с обострением кризиса общественной мысли. Добролюбов стал кумиром молодежи,

Чернышевский в крепости писал «Что делать?». Страхов же стал «возделывать свой сад». В явлениях литературы его интересуют произведения, в которых среди мимолетного и бегущего улавливаются основные черты человеческого существования, устои того моста, по которому движется народная жизнь. В книге «Из истории литературного нигилизма» «отрицатели» рассматриваются им как явление по своей сути духовно жалкое, как люди, которые «умны только чужой глупостью».

Страхов критикует не только нигилизм, но и все многообразие проявлений радикализма в России (западничество, революционный демократизм, вульгарный материализм, социализм). Нарастали деструктивные течения в общественной жизни страны, грозя русской цивилизации анархией, и тем настоятельные была потребность в повороте к чувству меры при помощи точного анализа — «рефлексии». Страхов с достоинством выполнял эту историческую задачу. Он смело выступал против рабологии либералов перед Западом, перед «модными течениями», выверяя их по критериям «народной жизни» с изначальными ценностями.

В то же время Страхов не был сугубым консерватором. Он горячо поддерживал молодые силы, идущие из недр самобытной народной жизни, из глубин русского духа. Свидетельством тому стала защита и пропаганда Страховым творчества Аполлона Григорьева, Николая Данилевского, Льва Толстого. Он буквально заставил своими яркими апологиями образованное общество читать «Россию и Европу» Данилевского, он одним из первых оценил величие и грандиозность «Войны и мира» Толстого, особенно подчеркивая его народность, близость к духовным ценностям православия.

Н.Н.Страхов не вписывался в классический образ философа. И в то же время, будучи разносторонним исследователем, главным делом своей жизни считал философию, любомудрие, превыше всего ценил диалог, творческое взаимообогащение и поиск путей к взаимопониманию. Для мыслителя характерно отсутствие доктринального тона, признание права на многообразие жизни, уважение к чужой мысли.

Из гегелевской философии Страхов взял и активно использовал диалектический метод. По сути дела, он стоял у истоков русской идеи философии как «анализа» (или философии анализа), в противоположность системосозидающим философиям.

В книге Н.Н.Страхова «Мир как целое» были изложены не только многие естественнонаучные, но и общие философские проблемы. Первая часть работы, посвященная осмыслению проблемы человека и его места в природе, позволяет обоснованно назвать Страхова одним из основоположников фило-

софской антропологии в России. Он писал, что «человек есть вершина природы, узел бытия», что в нем заключается «величайшая загадка и величайшее чудо мироздания».

Главным философско-публицистическим произведением Н.Н.Страхова стала книга «Борьба с Западом в нашей литературе», где дается широкая панорама духовной жизни XIX столетия. Показывая неоднозначное влияние Западной Европы на русскую культуру, он доказывает необходимость восстановления русского национального самосознания, развития «нашей духовной самобытности». Мыслитель глубоко национальный, Страхов отстаивает истинно русские начала народной жизни. Он был глубоко убежден в необходимости развития России по собственному пути, отличительной чертой его патриотизма была вера в духовную русскую силу. В то же время он не был защитником официального патриотизма, мессианского отношения к жизни с позиций нации. Реалистически оценивая российскую действительность, Страхов во многом не соглашается не только с русофильством М.Н.Каткова, но и с отдельными положениями славянофилов, в целом оставаясь их сторонником.

Все попытки одностороннего осмысления творчества Страхова без учета его многогранной натуры обречены на неудачу. Чувство меры и вкуса — вот один из страховских постулатов. Его способность понимания и оценки проблем естествознания, словесности, философии и самой жизни была знаменитой.

Литературная деятельность Н.Н.Страхова выразилась и в прекрасных переводах философских и научных книг, имевших большое значение для того времени. Систематически следя за развитием философии и науки в Европе, он перевел на русский язык около 20 трудов. Среди них «История новой философии» Куно Фишера, «История материализма Ф.Ланге, «Об уме и познании» И.Тэна, «Жизнь птиц» А.Брэма... Будучи широко образованным человеком, Страхов, по свидетельству В.В.Розанова, читал «как по-русски» на пяти языках.

Судьбу философского и литературно-критического наследия Н.Н.Страхова нельзя отнести к числу счастливых. Он сегодня мало известен широкой читающей публике. Но интерес к нему в нашей стране и за рубежом начинает расти. Хотя негативные оценки Страхова, сложившиеся в известный период нашей истории, продолжают доминировать, жизнь с ее проблемами создает предпосылки для обращения к его трудам. Темы, им сформулированные, — «Мир как целое», «Литературный (и не только) нигилизм», проблемы органа-генетики, Православие в России и Западная Европа — спустя век после кончины мыслителя встают перед нами с еще более беспощадной остротой.